

Алексей Страйк: камень всегда должен катиться!

Нина КОКОРЕВА

По ходу нашей беседы Алексей СТРАЙК, ведущий гитарист, композитор и идейный вдохновитель известной рок-формации ПИЛИГРИМ, сравнил музыку с «колесницей, которую невозможно остановить». Мне это сравнение понравилось. В нём есть движение, а движение это жизнь. Другое дело, что кто-то способен стать возничим этой самой колесницы, кто-то всю жизнь остаётся её пассажиром, а кто-то, изнывая, тратит все силы на то, чтобы догнать её, а догнав, погибает под колёсами... Но музыка – понятие абсолютное, а жизнь артиста в ней – дело частное. Однако несомненно, что жизнь человека, которого музыка призвала в свои ряды, отличается от жизни тихого обывателя. Именно об этом – о музыке и жизни в ней – мы и побеседовали с Алексеем СТРАЙКОМ.

MUSIC BOX: Не буду я тебя спрашивать, «как ты дошёл до жизни такой», думаю, твоя творческая биография подробнейшим образом представлена на твоём сайте и сайте группы ПИЛИГРИМ, да и в сети информации хватает. Мне интересно вот что: ты, что называется, один из могокан российского рок-н-ролла, а значит, застал и бурный всплеск жанра, и его «стабильно тяжёлое положение» и некую кому. Скажи несколько слов об этом.

АЛЕКСЕЙ СТРАЙК: Моё знакомство с музыкой началось, конечно, ещё в школе. Я был совсем мелким, когда вместе с родителями ходил в «Центральный дом туриста» на концерты – ПЕСНЯРЫ, СЯБРЫ, ПЛАМЯ. Меня, помню, сильно впечатлило то, что артисты, которые на радио вроде бы играли такие милые добрые песни, на концертах выдавали, как я сказал бы теперь, игру на перегруженных гитарах, даже английские словечки звучали. Сейчас я уже не вспомню, но, наверное, играли и кавера. Да и свои вещи у них были неслабые – «виновен ли порох» например. А песни, звучавшие на радио в попсовой обработке, на концертах заметно утяжелялись, и это меня прикалывало уже тогда. Ну а когда пришла Перестройка и появился хэви-метал, всё вообще резко рвануло в гору. Я активно ходил на концерты, и мне очень нравились тогда (ближе к 90-ым) МАСТЕР – как они на сцене себя ведут, как подают свою музыку, ну и, конечно, АРИЯ, ещё ЧЁРНЫЙ КОФЕ. За ними очень плотно шли ЧЁРНЫЙ ОБЕЛИСК, Э. С. Т., ЛЕГИОН. К металлу сразу стала льнуть вся попса, все стали называться рок-группами и собирать стадионы – так ком и катился. Но поскольку развитие циклично, постепенно всё сошло на нет, и на смену нашему тогдашнему рок-н-роллу, который в 80-е легко убирал по популярности самых известных профессиональных исполнителей, пришли совершенно другие люди – скажем, Богдан Титомир, ТЕХНОЛОГИЯ, ЛАСКОВЫЙ МАЙ. Тяжелая смяли и отправили в подвал. Когда всё это долбануло, многие группы, что называется, «потеряли лицо»: кто-то уехал, кто-то пошёл попу играть, кто-то асфальт укладывал, кто-то в ресторанах стаканчики мыл.

МВ: У тебя как дела обстояли?

АС: Я за всем этим наблюдал, а когда мне исполнилось 18 лет, прямо 11 декабря, я уехал на гастроли с группой МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ. Пик голодного времени мы проехали по стране – толкали зимой пазики с аппаратом, разъезжали с банкой консервов под мышкой... Но я понимал, что это то, чем я хочу заниматься, и все гастрольные перипетии меня мало волновали, мне это было глубоко в кайф. Собственно, музыка сразу стала моей профессией. Я, конечно, поступал на худграф после школы, всё сдал – живопись, графику, композицию, портрет – на 5, а черчение завалил. Мне пришла бумажка:

«Приходи на рабфак», но я к тому времени уже ездил по гастролям. В полиграфический всё-таки поступил – надо же было после школы где-то учиться, но всё это быстро закончилось: сессия, а меня два месяца дома нет... С тех пор я занимаюсь только музыкой.

МВ: Что же, по твоему мнению, происходит на рок-н-рольной сцене сейчас?

АС: Сейчас странное время – рок не рок, попса не попса...

МВ: Это смешение стилей, взаимопроникновение?

АС: На мой взгляд, на сегодняшний момент многие просто потерялись, потому что не знают, что делать. Многие из того, что нравилось раньше, сейчас просто не воспринимается. К сожалению, мы в нашей стране не вырастили ни одной группы уровня ROLLING STONES, которые позволяют себе всё что угодно,

но при этом всё равно собирают стадионы. Хотя в ту сторону очень хорошо, как мне кажется, у нас движется АЛИСА – не изменяя себе, в протяжении очень многих лет собирает Дворцы спорта и имеет огромную армию поклонников. Что касается других наших колоссов (я могу сюда приписать весь наш хэви-металлический бомонд), то они подрастеряли авторитет. Хотя Кипелову не откажешь, да и АРИЯ в порядке, несмотря на то что у них были тяжёлые времена.

МВ: Скажи, в нашей стране публика довлеет над артистом, или артист формирует свою публику?

АС: Всё от артиста зависит. Если человек способен повести за собой, то как на него можно давить?

МВ: Я объясню. Путём неприятия чего-либо нового. То есть если публика привыкла видеть артиста «жёл-

тым», то она и хочет видеть его всегда «жёлтым», а если он вдруг решил стать «белым», публика говорит ему: «Долой «белого», мы хотим «жёлтого»».

АС: У того же самого Кинчева были в жизни разные периоды и разные альбомы, что-то принимали, а что-то нет, но он делал то, что ему нравится, и не шёл на поводу у публики, не изменял себе.

МВ: Скажи, по-твоему, за всю историю рок-н-ролла в нашей стране были какие-либо новации в этом плане, или всегда была калька?

АС: Сначала мне всё казалось новым и интересным. Потом я с удивлением узнал, что IRON MAIDEN крадёт музыкальные идеи у нашей любимой группы – аккорды-то вот они, все родные. (Смеётся.) Я не знаю, в чём выразить наш хэви-метал, потому что то, что все играют, сыграно уже 25000 раз, и я, например, не знаю, что нужно сделать, чтобы выделиться из общей массы. Мы стараемся искать ходы, что-то придумывать, привносить, но кажется, что всё давно придумано – этнику играют, на перегруженных балалайках зажигают, на скрипках и виолончелях тоже, матом со сцены орут, на сцене испражняются и трахаются, куда уж круче! Поэтому я стараюсь просто делать то, что нравится мне. Понравилось мне, понравится и ещё кому-нибудь, а понравится ещё кому-нибудь, уже хорошо!

МВ: Когда ты начал писать музыку?

... с исчезновением худсоветов у нас в стране исчезла музыка, исчезли настоящие профессиональные коллективы – полезли все, кому ни попадя.

АС: Музыку я начал писать, когда учился в музыкальной школе – сочинял пьесы для фортепьяно, а первую песню написал, наверное, классе в 7-м или 8-м, когда только-только познакомился с гитарой.

МВ: На какую кнопку судьба нажала – влюбился, или соцуха растревожила?

АС: Там история за любовь. Очень милая получилась песня, она мне и сейчас нравится.

МВ: Когда ты профессионально начал заниматься музыкой, всегда сочинял?

АС: Всегда.

МВ: У тебя была такая потребность или необходимость?

АС: Просто всегда катило.

МВ: А случались ли конфликты на этой почве: ты писал... ещё кто-то писал?..

АС: Конечно! Но когда возникала конфронтация по этой теме, тогда появлялись сольнные альбомы. Бывало, приносишь вещь в группу,

а тебе говорят: «Давай поменяем это, и это, и это, а вот это пусть звучит...» Иногда я легко соглашался, но в иные моменты это было невозможно – если песня личностная, если в неё вложено много всего. Тогда я смотрел на всё выпученными глазами: как же это можно менять?! Так у меня случилось в группе МАСТЕР – возникли творческие разногласия, достигшие со временем своего предела, и я покинул этот коллектив.

МВ: Когда ты приносишь в группу новую вещь, и музыканты аранжируют свои партии, ты принимаешь их как соавторов, или диктуешь: здесь должно быть так, а здесь эдак?

АС: Я всегда с удовольствием выслушиваю мнение каждого, если есть какие-то идеи. Когда это действительно здорово и для песни будет продуктивно, то принимаю, а если мне не нравится, то говорю: «Нет, не в кайф!»

МВ: Есть условия, которые должны сойтись для того, чтобы у тебя открылся творческий клапан?

АС: Нет! Всё происходит произвольно. (Смеётся.) Единственно что, лирику пишу только в тишине. Если что-то звучит, кричит, грохочет или шепчет, ничего не получается, а в тишине сразу снисходит.

МВ: Какой из проектов, в которых ты поиграл, для тебя наиболее ценен?

АС: Всё моё творчество шло по ступеням. Первая ступень – в школе. Мы начали играть в группе, и у нас появился художественный

на себе мощь работы ритм-секции как оплота и гитары как украшательства этого всего. Именно там я совсем по-другому взглянул на работу ритм-секции и гитариста. Я очень благодарен Алику Грановскому за то, что он мне это дал и это в меня поселил – как барабаны должны правильно звучать, как добиться целостности при минимуме инструментов. Ну а сейчас я очень дорожу тем составом, который у меня есть. Это всё любимые мною люди, все настоящие профессионалы, каждый на своём месте, каждый на 110% знает, что он должен делать, и делает это абсолютно качественно. Наконец у меня есть состав, которому я могу сказать: «Давайте попробуем вот так...», и мы сразу пробуем, никому не надо сидеть, что-то учить. Можно так, а можно и так – можно по любому и в ту же секунду. Я счастлив работать с этими людьми.

МВ: Знаешь, есть такая поговорка: «Не стреляйте в музыканта, он играет как умеет». Как ты к ней относишься?

АС: Я с ней не согласен. Если музыкант играет плохо, в него надо стрелять не думая! (Смеётся.) Плохо играющему музыканту лучше не играть совсем. Надо идти работать на производство или заниматься бизнесом и приносить пользу в другом месте.

МВ: Раньше существовал такой институт, как худсовет – прокрустово ложе всякого артиста. Я знаю, что сейчас многие творческие люди испытывают ностальгию по этому явлению. Как ты?

АС: Я на самом деле большой приверженец всякого рода отбора, отслеживания эстетика музыкальной культуры, потому что с исчезновением худсоветов у нас в стране исчезла музыка, исчезли настоящие профессиональные коллективы – полезли все, кому ни попадя. Вся ребетня, воспитанная на GUNS N' ROUSES и NIRVANA, взяли гитары, включили примочки (благо, сейчас можно купить любой инструмент, любую примочку, любую видеошколу), но, несмотря на сказочное изобилие инструментов, приспособлений и информации, сыграть толком не могут. Небрежно уронив с перегруженной гитары 4 аккорда, нельзя считать себя вторым Куртом Кобейном (Kurt Cobain). Нужно начинать с азов – сначала заложить фундамент, потом возвести стены и уже на них опереть крышу.

МВ: А не может Хаос родить Прекрасное?

АС: Если родилась песня и надо сыграть её на гитаре, придётся учиться это делать. Можно, конечно, Коле напеть, и Коля сыграет... Вот так люди собирают группы.

МВ: Ты у себя на сайте общаешься с молодёжью?

АС: Конечно, общаюсь.

МВ: Молодые музыканты задают тебе профессиональные вопросы? Они хотят у тебя учиться?

АС: Да. У меня вообще было много учеников до того, как я попал в ПИЛИГРИМ. Тогда

это была физическая необходимость, потому что надо было на что-то жить, кормить семью. Мне пришлось открыть свою студию, набрать учеников, заняться продюсированием.

МВ: Какими качествами должен был обладать человек, который приходил к тебе учиться? Что ты от него требовал?

АС: Ученики обычно делятся на две категории: на тех, у кого с лёта получается (они в основном не занимаются – получилось и хорошо), и на тех, которые очень старательно занимаются, но получается туго. Мне таких ребят по-человечески всегда было жаль – классический случай несовпадения желаний с возможностями, не для того они, видно, рождены. А тех, у кого получается и человек занимается, было совсем немного, и я их любил. Это те люди, из которых вышел толк. Не из пилюрамщиков, неистово шарашащих, и не из менеджеров топ-компаний, приходящих после рабочего дня растегнуть пиджачок, скинуть галстук и расслабиться за гитарой, а из тех, кто действительно одержим, кто смотрит на тебя во все глаза и пытается понять, как ты это делаешь. К таким людям я проявлял повышенный интерес и уделял им внимание, но их, к сожалению, было крайне мало. Один из них, Павел Ветров, пришедший ко мне в 14-летнем нежном возрасте, теперь играет в моей группе. Я его очень люблю, он молодец.

МВ: Музыкальная тусовка, с твоей точки зрения, это содружество, большая дружная семья или серпентарий?

АС: Всё существует блоками, по стилям... Так музыканты прилипают друг к другу, притусовываются. Вообще-то, мы все дружим, общаемся, обнимаемся и т.д., но вполне реально на каком-нибудь из форумов вдруг прочитать, как тебя трёхэтажно обложил человек, с которым ты как раз вчера неосторожно и любезно поделился – непонятно, почему это сделано и зачем.

МВ: Значит, к серпентарию всё-таки ближе!

АС: Я на эту тему стараюсь не зарубаться. У меня полно работы и масса дел, мне некогда. (Смеётся.)

МВ: Кстати, о делах... Расскажи о проекте, в котором ты сейчас трудишься, о планах на будущее.

АС: Сейчас мы очень плотно работаем над третьим альбомом группы ПИЛИГРИМ, который уже весь практически записан – нам осталось кое-что прописать в вокальных партиях, а музыка готова. Я надеюсь, что в конце зимы мы этот релиз выпустим. Кроме того, в голове у меня зреют всякие идеи по поводу двух новых сольных альбомов. Мне хочется сделать тяжёлый инструментальный альбом, и с нашим клавишником Юрием Плехановым мы готовим новый материал, в музыкальном плане совершенно далёкий от хэви-метал. Я хочу, чтобы это была приятная релакс-пластинка а ля ENIGMA.

МВ: Это ты взрослеешь что ли?

АС: Да, я с ужасом понимаю, что взрослою и ничего не могу с этим поделать. (Смеётся.) Ну, наверное, это неплохо.

МВ: Да уж конечно, неплохо!

АС: Я умнею, и это главное.

МВ: Уходит задор, приходит понимание?

АС: Нет, задор при мне! (Смеётся.) Слава Богу, порох в пороховницах ещё есть! Однако понимание объясняет!

МВ: Насколько музыка, которую ты пишешь, похожа на тебя самого?

АС: Это я и есть! Всё, что я пишу, я пропускаю через себя. Если взять мой последний сольный альбом «Рождённый под знаком огня», так это весь я наружу – берите. В каждый момент времени в моей музыке всё, что у меня на душе, всё, о чём я думаю.

МВ: Как ты думаешь, вокал как инструмент важен в рок-н-ролле? Ведь

приходится накладывать на музыку слова, а это значительно утяжеляет процесс!

АС: Конечно, важен, а в России – особенно. (Смеётся.) У нас существует определённый культ вокала! Это всё пришло от наших друзей из Свердловска и Ленинграда. Именно они открыли публике глаза на то, что на самом деле рок это бардовская песня под электрогитару, а не brutальные опусы про «борьбу бобра с ослом», которыми балуются московские ребята. Есть же наша настоящая социалка, и мы должны про эту бытовуху поведать всем: что мы на грязных кухнях из грязных чайников пьём чай с тараканами вперемешку. И всё это под перегруженные гитары. (Смеётся.) Я не очень это приемлю. Зачем называть это роком? Можно ведь и как-нибудь по-другому. А рок, на мой взгляд, это THE DOORS, LED ZEPPELIN, DEEP PURPLE... МАСТЕР, ПИЛИГРИМ...

МВ: Когда пишутся тексты на музыку – ты ведь это делаешь, – приходится ли тебе лукавить и подворовываться, то есть упрощать и слегка калечить текст, чтобы сохранить в целостности музыкальную конструкцию? Для человека, пишущего и музыку и тексты, что первично?

АС: В глобальном смысле для меня первична музыка, но когда я начинаю работать над текстом, он выходит на первое место. Конечно, хорошо, если равноправные музыка и текст срастутся, но при всём богатстве нашего родного языка он очень заковерист. Для текстодиков всегда проблемно сделать так, чтобы всё звучало гладко. Поэтому, рожая текст, стараешься обычно из своего несчастного интеллекта выжать всё возможное, чтобы всё было честно, и при этом текст максимально гладко ложился на музыкальную форму. Тяжелый труд.

МВ: Именно поэтому твои новые проекты инструментальные?

АС: Нет! (Смеётся.) Просто я хочу воплотить свою давнюю задумку. А впрочем, совершенно не факт, что они будут инструментальными. Может так случиться, что захочется в рамках этих проектов и что-нибудь спеть. Как будет, одному Богу известно!

МВ: Кстати, об инструментах... Я знаю, что ты эндорсер двух гитарных брендов – ESP и Blacker. О ESP мы рассказывали не раз, а вот Blacker это новый бренд на российском рынке. Расскажи подробнее об этой твоей гитаре.

АС: Действительно, это новый бренд, они начали свою работу в октябре 2007-го. Ко мне обратились представители Blacker и предложили сделать для меня гитару с учётом ВСЕХ моих пожеланий. Мне показали несколько моделей и объяснили, что я могу получить инструмент, созданный на основе одной из них, или – по своему желанию – заказать абсолют-

но эксклюзивный вариант, начиная от фурнитуры и заканчивая породой дерева и краской. Меня это предложение очень заинтересовало. Я сформулировал все свои потребности, включая, например, гриф, состоящий из 5 пород дерева, замену тоновой ручки на килсвич и т.д., а также уточнил, какую хотел бы форму, какой рога, и предоставил им эскиз рисунка, который хотел бы видеть на инструменте. При этом я не удержался от вопросов, где же они будут искать нужное мне дерево, выбранную мной фурнитуру. Мне ответили коротко: «Мы найдём!» И в самом деле, через 3 месяца мне выдали инструмент. Для того чтобы инструмент устроил меня полностью, понадобилась всего лишь одна маленькая доработка – мне лично не подошло положение машинки на гитаре. Сейчас я играю на гитаре Blacker на каждом концерте, я на этой гитаре записываюсь, и она полностью меня устраивает – я с удовольствием представляю этот бренд в России, участвую во всех акциях. Компания Blacker предоставила свой инструмент и второму гитаристу нашей группы – насколько я знаю, Павел в восторге. Меня в плане инструмента трудно чем-либо удивить, но компании Blacker это удалось: меня безмерно удивляет, как они умудряются находить редчайшие породы дерева, изыскивать какие-то безумные деревянные совершенно мохнатых годов. Они экспериментируют с деревом, с формой, со звукоснимателями и создают великолепные инструменты, по большей части используя для этого ручной труд. Я понял, что эти люди просто фанаты того, чем занимаются.

МВ: То есть рабочие свойства этой гитары, а главное – звук, тебя полностью устроили и ты не побоялся связать своё имя с неизвестной тогда никому компанией?

АС: Да, разумеется! Я то уже пожил и знаю, что активная электроника хорошо себя чувствует с красным деревом и т.д., но есть ребята, которые этого не знают. В компании Blacker им всё подскажут, проконсультируют. Они действительно одержимые, в них нет синдрома серийного потока, у них каждый инструмент эксклюзивен, поэтому они очень скрупулёзны. Если человек по незнанию скажет им: «Я хочу, чтобы у меня на этом вот дереве стояли эти вот звукосниматели», ему обязательно объяснят, что это может быть не самым оптимальным вариантом, то есть у каждого заказчика есть возможность прислушаться к мнению настоящих профессионалов. Но уж если случается клинический вариант «Я сам с усам», то фирма делает всё согласно требованиям клиента.

МВ: Эти гитары предназначены для тяжёлого жанра?

АС: Да, это инструменты с низким звучанием, и компания действительно сотрудничает с brutальными коллективами – БЕЗУМНЫЕ УСИЛИЯ, ICON IN ME, REIGN THE ABSOLUTE, ABNORMALITY. Но сейчас по моему специ-

Именно они открыли публике глаза на то, что на самом деле рок это бардовская песня под электрогитару, а не brutальные опусы про «борьбу бобра с ослом»,

альному заказу на Blacker мастерят точную уменьшенную копию моей гитары – для моего младшего сынишки. То есть люди совершенно потрясающие мастера, они делают детскую гитару, которая будет звучать, строить – всё по-взрослому.

МВ: Хочешь вывести человека на сцену, поджековать?

АС: Да, пора! (Смеётся.) Мужик уже 2 года и он вовсю скачет и хайером трясёт около зеркала! Папину игру на гитаре отличает от всего с ходу.

МВ: Гены! Куда же деваться! А ты желаешь своим детям заняться твоей профессией?

АС: Я хочу, чтобы мои дети занимались тем, что им нравится. Может, у них склонность к технике проявится, кто знает. Пока они, ко-

нечно, танцоры, акробаты и певцы. Старший у меня с песней «Капитан» в прошлом году выиграл конкурс «Дети XXI века поют песни XX века» – получил гран-при и приз зрительских симпатий. Финал конкурса был в Кремле, а награждение – в Колонном зале. Папа в Кремле ещё не выступал, а сын уже успел! Так что, дай Бог здоровья моим детям, и пусть у них получается всё, чем они займутся, а я настаивать ни на чём не буду, постараюсь только ненавязчиво помочь. Им решать!

МВ: Скажи, а ты нашёл уже свой звук, или находишься в поисках?

АС: Сейчас я очень к нему близок, но процесс ещё идёт. Я точно знаю, каким он должен быть, потому что мой звук мне приснился. Сон был потрясающий – я стоял на высоченном холме и играл, подо мной был огромный мир, а я слы-

шал, как должна звучать моя гитара. И теперь я к этому звуку стремлюсь, но пока не то. И я ни у кого не слышу того, что хочется мне. Раньше, допустим, мне нравилось, как звучит гитара у Гари Мура (Gary Moore), у Вая (Steven Vai), но сейчас я уже нахожу минусы в их звучании. Гитара тогда должна была звучать так, а сейчас она должна звучать по-другому. Я ищущу!

МВ: Это же хорошо! Движуха!

АС: Да. Как сказал Мик Джаггер (Mick Jagger): «Камень всегда должен катиться!»

МВ: Кстати, о движухе... Вы много ездите с ПИЛИГРИМОМ, как принимают?

АС: Мы за год объездили 125 городов по всей нашей стране. Это была акция в поддержку нашего второго альбома. Принимали очень хорошо! Это был, что называется, глоток свежего воздуха, когда ты стоишь на сцене с пиротехникой, со светом и видишь перед собой полный стадион. Это то, о чём мечтает каждый музыкант в нашей стране.

МВ: Вас разогревали местные коллективы?

АС: Разумеется. Когда проходили концерты в рамках фестиваля «На взлёт!», который поддерживают группа ПИЛИГРИМ и Андрей Ковалёв, мы всегда давали время для молодых местных коллективов. Это политика группы.

МВ: Значит, турилось нормально?

АС: Гастроли – это настоящая жизнь для музыканта. Мы сидим на этом наркотике – сцена и гастроли. Даже приезжая в города, которые ты ви-

дел десятки раз, всё равно испытываешь кайф.

МВ: А гастроли не мешают здоровому образу жизни?

АС: Раньше, да! (Смеётся.) Но сейчас мы уже стараемся не злоупотреблять так яростно, как это было в молодые годы.

МВ: А фанаты штурмуют?

АС: Я думал, что такого, как в 90-е годы, уже нет, когда на твой автобус наваливается армия фэнов, все кричат, мы перепрыгиваем из одного автобуса в другой, потому что он не может выехать – просто BEATLES какой-то! (Смеётся.) И это на самом деле очень приятно. Хотя в Москве и Санкт-Петербурге публика с огромным знаком вопроса, я никогда не мог её понять. К тому же сейчас появилось много сайтов и форумов (не знаю, кто их поддерживает), целью которых, по-моему, является конкретно всё развалить. Критикуют всех, типа «всё не то, вот там он пел хорошо, а здесь глохо, всё никуда не годится...» Это приводит ранимое сознание музыкантов в состояние депрессии, а этого делать нельзя. (Смеётся.) Я считаю, что всегда нужно делать то, что тебе в кайф – играть музыку, которая тебе в кайф, писать тексты, которые тебе в кайф, и жить так, как тебе нравится, потому что жизнь у нас одна и, как говорят «трудная, но, к счастью, короткая». (Смеётся.)

МВ: А как ПИЛИГРИМ принимали за границей?

АС: Отлично! Недавно мы играли на большом фестивале в Греции с группой ANATHEMA,

и всё бить очень достойно – тамошняя публика не знает, что у нас солист депутат, а поэтому непредвзята. Они смотрели на группу, у которой всё в порядке, и подпевали нашим вещам, потому что до выступления была проведена серьёзная рекламная кампания, плотно крутились наши клипы. Кроме того, в Польше вышел наш альбом, в Германии, скоро выйдет в Китае. Возможно, мы успеем на вторую часть европейского тура с UDO.

МВ: Скажи, а музыканты объективно оценивают творчество друг друга?

АС: Думаю, что в душе – объективно. А на уровне высказываний, конечно, нет! Всем хочется запрыгнуть как можно выше и всем кажется, что у них это получается, а когда кто-то делает что-либо круче, признать это тяжело.

МВ: Какие человеческие качества ты в людях не приемлешь?

АС: Предательство, панибратство в отношениях... Очень не люблю, когда долго соображают, когда человек в той или иной степени зазнаётся и звездит. Для меня очень важно, чтобы окружающие меня люди были профессионалами, быстро соображали, были предельно честными и доверяли мне, потому что я доверяю им.

МВ: Желаем тебе именно таких соратников! Успехов!

Фото: Полина Куликовских,
Ольга Плетнева